

Тезаурусный подход для тувиноведения

Ч. К. ЛАМАЖАА

(МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)

В статье представлены тезаурусный подход и перспективы его применения к анализу тувинской культуры; очерчены особенности подхода и намечен путь для составления тезауруса тувинской культуры.

Ключевые слова: тувинская культура, прототувинская культура, культуругенез, кочевая культура, тезаурусный подход, методология.

Тувиноведение как область естественно-научного и гуманитарного знания, посвященная истории и культуре Республики Тыва (Тувы) и народов, которые населяют ее и определяют ее уникальный социокультурный облик, имеет и свою богатую историю, насчитывающую более двух веков, и определенные научные традиции (Ламажаа, 2010: Электр. ресурс). Гуманитарные исследования тувиноведения проводились в русле развития отечественного номадоведения, востоковедения, этнографии, культурологии. Соответственно изучение культуры тувинского этноса (далее — тувинской культуры) представляется как региональный вариант развития советского и российского гуманитарного знания. Обрисуем его путь в наиболее общих чертах, чтобы представить новые перспективы исследований, которые мы связываем с тезаурусным подходом.

Начиная с путевых заметок путешественников XIX в. об экзотическом крае в центре Азии, работ первых ученых-этнографов, лингвистов, востоковедов наука обогащалась сведениями о быте, религии, обрядах тувинцев. До середины XX в. в основном происходил сбор данных, прежде всего этнографических, а также археологических. Условно назовем данный период *собирательным* (его еще называют «период накопления и систематизации»). Можно сказать, что гуманитарное тувиноведение достигло больших результатов на этом этапе. Издано огромное количество работ как учеными московских, ленинградских, новосибирских научных центров, так и собственными кадрами республики, которые начали работать прежде всего в первом научном

центре, открывшемся в 1945 г., — Тувинском научно-исследовательском институте языка, литературы и истории (ныне — Тувинский институт гуманитарных исследований при Правительстве Республики Тыва).

С определенного момента логика развития научного знания потребовала обобщить полученные сведения, применить целостный подход к предмету исследования, выявить связи и отношения между разрозненными на первый взгляд элементами культуры. Разумеется, в период собирания фактов ученые также занимались реконструкцией целого. Точно так же и сейчас продолжается собирательная деятельность. Но в целом встала задача соотнести труды разных лет друг с другом, осмыслить то, что было накоплено, провести параллели с данными о культурах родственных народов. Оценки «отсталая», «примитивная», так же как и «прогрессивная», ушли в прошлое. На этом качественно новом, *обобщающем* этапе («аналитический период») культура признана ценностью, основой жизни народов. В том числе стали осмысливаться пути и формы изменений традиционной культуры тувинцев в соответствии с социальными изменениями тувинского общества в XX в. Отсутствие идеологического давления дает возможность исследователям выбрать любую социальную, гуманитарную концепцию. Наиболее распространенным ныне стал культурно-цивилизационный подход, признающий уникальность развития каждой цивилизации, каждой культуры. Он может сочетаться с модернизационной теорией, рассматривающей пути трансформации традиционных обществ в сторону осовременивания, модернизации, кото-

рая стала насущной задачей в условиях глобализации.

Несмотря на развитие гуманитарного тувиноведения, появление работ обобщающего характера, опирающихся на основные положения культурно-цивилизационного подхода, в основной массе литературы еще сильны традиции первого собирательного этапа, когда анализ тувинской культуры структурируется в соответствии с делением на духовную и материальную стороны; в качестве предметов исследования берутся традиционные этнографические объекты и сферы — обрядность, религия, традиции, искусство и пр. Из работ, поднимающих общие вопросы тувинской культуры — ее эволюции, основных характеристик, опирающиеся на новые методологические подходы, можно назвать труды А. К. Кужугет, М. В. Монгуш, В. Ю. Сузукей и др.

Мы убеждены в том, что анализ сокровищницы тувинской культуры, как и каждой другой самобытной культуры, необходимо постоянно совершенствовать, дополнять на основе самых разных методологических подходов, позволяющих структурировать материал поновому, определяя тем самым и новые грани культурного богатства. Мы не случайно употребили слово «сокровищница», переходя тем самым к методологическому подходу, применение которого считаем весьма перспективным и чрезвычайно интересным в том числе для тувиноведения.

Речь идет о тезаурусном подходе, который был обоснован в работах Вал. А. Лукова и Вл. А. Лукова (Луков Вал., Луков Вл., 2008) и плодотворно применен в трудах других авторов (Кузнецова, 2005; Захаров, 2008 и др., а также см.: Тезаурусный анализ..., 2005–2011). Надо сказать, что данный подход представляет тенденцию, которая разворачивается в гуманитарном знании и которая является естественным следствием развития самой культуры — все большая субъективизация и отдаление от идеала науки как объективного знания. При этом, по мысли Вал. А. и Вл. А. Луковых, это не означает утери требований научности и поощрения субъективизма, речь идет о постановке человека в центр научных исследований, учете субъективной составля-

щей как в культуре, так и в науке (Луков Вал., Луков Вл., 2008: 7).

Субъективизация проблематики культурных представлений отразилась в ряде работ этнологов, этносоциологов, культурологов, филологов. В этом направлении ведутся исследования идей «ценностей», «концептов», «констант» Ю. С. Степанова (Степанов, 1997), С. В. Лурье (Лурье, 2003), российско-монгольского коллектива ученых, работающих над исследованием особенностей Евразийского мира, под руководством Ю. В. Попкова (Евразийский мир..., 2010), М. Ю. Шишина (Константы культуры..., 2010) и др.

Ключевое понятие концепции Луковых — «тезаурус» — восходит к греческому слову *thésaurós*, что означает «сокровище», «сокровищница». Тезаурус — это полный систематизированный свод освоенных социальным субъектом знаний, существенных для него как средство ориентации в окружающей среде, а сверх того также знаний, которые непосредственно не связаны с ориентационной функцией, но расширяют понимание субъектом себя и мира (Луков Вал., Луков Вл., 2008: 67). В тезаурусе отражается полнота некоторого знания (как качественная, а не количественная характеристика) для субъекта и соответствие этого знания целям, потребностям, интересам, установкам субъекта.

Субъективность тезауруса выражается в том, что систематизация знаний в нем идет *не от общего к частному, а от своего — к чужому* как наиболее важному принципу отбора и выстраивания знаний об окружающем мире. Все новое, для того чтобы занять определенное место в тезаурусе, должно быть в той или иной мере освоено (буквально: сделано своим). В этом, как подчеркивают авторы концепции, отличие тезаурусной иерархии знаний от структуры научного знания. Деление на свое и чужое может сопровождаться толерантностью к несходным мнениям, открытостью к другим культурам, сама граница своего и чужого подвижна. И именно в этом аспекте тезаурусная организация знания рассматривается исследователями как отличающаяся по своим системообразующим основаниям от объектной организации знания.

Как именно субъективность тезауруса отличается от научного структурирования знания, можно увидеть в работах, которые посвящены этническим культурам и в том числе непосредственно касаются тувиноведения, например, в издании коллектива авторов — Э. А. Львовой, И. В. Октябрьской, А. М. Сагалаева, М. С. Усманова — под общим названием «Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири» (Новосибирск, 1988–1990). Их работа основана на применении методологии анализа культуры, предложенной в начале 1970-х годов специалистом по средневековой культуре Запада А. Я. Гуревичем (Гуревич, 1972). Подобной же методологической схемы придерживается, например, известный отечественный монголовед Н. А. Жуковская, анализируя культуру, традиции и символику монгол (Жуковская, 2002). В упомянутых работах присутствует схема анализа, которая ведет отсчет от общего к частному: от космологического начала сущего/жизни — к элементам бытия, жизни и их характеристикам. Такой же принцип заложен и в основу исследования главных характеристик и истории духовной основы тувинской культуры А. К. Кужугет (Кужугет, 2006).

Новые смысловые измерения тувинской культуры, на наш взгляд, можно получить, привлекая к материалу тезаурусный подход. Различие между ним и упомянутыми работами представляется различием между субъектной культурологией и объектной (Луков, Вал., Луков, Вл., 2008: 190–193). Объектная культурология стремится ответить на вопрос: «Как было на самом деле?», в то время как субъектная культурология отвечает на вопрос: «Как это отразилось в тезаурусах?» (там же: 191–192).

Итак, что основные положения тезаурусного подхода, или субъектной культурологии, дают нового для осмысления тувинской культуры? В отличие от имеющих исследования о том, каким видели тувинцев и их культуру исследователи (как из числа представителей других культур, так и из числа местных ученых — представителей самой культуры, ставших в силу образования представителями соответствующих научных традиций), тезаурус-

ный подход позволит выстраивать, исследовать мир тувинской культуры глазами людей, которые в ней родились, выросли, живут, — как они понимают эту культуру, как они чувствуют себя в ней, как они со своим мироощущением, сформированным в данной культуре, относятся ко всему, что их окружает.

Тем самым в первую очередь речь идет о составлении тезауруса тувинской культуры на прочном теоретическом фундаменте, что, помимо всего прочего, делает возможным создание словаря тувинской культуры. Такого пока не существует, но потребность в нем есть, и довольно острая — и для науки, и для образования, и для социальной практики.

Подобные работы были уже сделаны в отношении, например, русской культуры, поскольку ключевым, базовым элементом тезауруса выступает концепт. Такая трактовка была предложена Ю. С. Степановым, создателем «Словаря русской культуры», единицами в котором выступают концепты. Их автор определяет как «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И с другой стороны, концепт — это то, посредством чего человек — рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» — сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» (Степанов, 2004: 43). В целом Ю. С. Степанов называет культуру совокупностью концептов и отношений между ними, выражающихся в различных «рядах»: в «эволюционных семиотических рядах», а также в «парадигмах», «стилях», «изоглоссах», «рангах», «константах» и т. д. (там же: 40).

Принципиальным отличием концепта от термина (который является словом или словосочетанием, призванным точно обозначить понятие и его соотношение с другими понятиями в пределах специальной сферы) является тот факт, что если последние через обобщение вычленивают общие элементы объективного мира — предметы, свойства, отношения, то концепты сохраняют общее свойство быть мыслью о предмете, сверх того приобретают оттенок, отражающий их значимость для субъекта (Луков, Вал., Луков, Вл., 2008: 111). В целом, мы придерживаемся определения

концепта, которое дали Вал. А. и Вл. А. Луковы: это особая структурная форма сознания, в котором присутствует сращение смысла, чувственного восприятия и образа (там же: 113).

Примерами концептов в тувинской культуре можно назвать: *торээн чефим* ('родная земля'), *авай* ('мама'), *ачай* ('папа'), *ада-ие* ('отец-мать', 'родители'), *мал* ('скот'), *хун* ('Солнце', 'день'), *Шагаа* (празднование Нового года по лунному календарю) и многое другое. Это слова-образы, имеющие огромное значение в жизни человека, которые он понимает в обыденной жизни, которые составляют важные части его существования, являются в том числе мыслительными маркерами его идентичности, и которые сращены с другими образами повседневности. Многие из них известны науке, довольно подробно изучены, описаны. Некоторые, возможно, наукой еще не осмыслены даже как концепты культуры. Эти примеры мы привели в произвольном порядке. О перспективах их систематизации — далее.

Тезаурусный подход позволяет по-другому взглянуть и на **генезис тувинской культуры**, на **проблему ее периодизации**, поскольку понятно, что тезаурус культуры не будет неизменным, он меняется, как меняется со временем сама культура.

Вл. А. Луков, применяя тезаурусный подход к анализу европейской культуры, выявляет ее волнообразный ход развития, в котором сменяются стабильные и переходные периоды (Луков, 2011). Для периодов стабилизации, пишет он, характерна устремленность к системе и систематизации, поляризация культурных тенденций, известная замкнутость границ в сформировавшихся системах, выдвигание какой-либо культурной тенденции на центральные позиции, что нередко отмечено в названии периода (например, эпоха Просвещения). Для переходных периодов свойственны необычная пестрота культурных явлений, многообразие направлений развития без видимого предпочтения какого-либо одного из них, известная открытость границ систем, экспериментирование, приводящее к рождению новых культурных явлений, возникновение пред- и подсистем (предромантизм, нео-

классицизм и т. д.), быстрые изменения «географии культуры» (там же: 7–8). Анализ собственно тезауруса европейской культуры Вл. А. Луков выстраивает по эпохам — выделенным стабильным и переходным периодам согласно указанным характеристикам. Основанием для периодизации являются особенности развития художественной культуры (литературы, искусства) Западной Европы, в которой достаточно ярко отражаются, по его мнению, особенности познания европейцами мира.

Материалом для анализа генезиса тувинской культуры очевидно должна стать не только и не столько художественная культура, что обусловлено меньшим числом источников, в том числе письменных. Особенности рассматриваемой — этнической — культуры основываются на особенностях этнополитической истории как самих тувинцев, этнос которых сформировался в XVII — первой половине XVIII в. (Маннай-оол, 2004: 129), так и их предшественников — этносов Центральной Азии, компоненты которых приняли участие в формировании тувинского этноса, а культурные традиции (не просто отдельными элементами, а практически комплексом) были переняты тувинцами. Образ жизни этих народов в целом характеризуется исследователями как развитое кочевничество начиная с первых веков н. э. (Марков, 2010: 18). Функционирование письменности в регионе было тесно связано с возникновением и распадом этнических государственных образований.

Главные источники для реконструкции тувинской культуры, особенно древних ее периодов, поставляют археология, этнография; последующие эпохи развития культуры позволяют отследить данные фольклористики, языкознания. При этом собственно тувинская культура считается уже хорошо изученной, но, как ни парадоксально, целостную картину тувинского культурогенеза еще никто не нарисовал. Культурологи учитывают древнюю предысторию формирования культуры, но все же предпочитают не углубляться в далекое прошлое и анализ вопросов тувинской культуры обычно начинают с констатации уже сложившегося до XX в. определенного комплекса.

Однако если мы говорим о собственно культуругенезе, то здесь следует учитывать все перипетии, происходившие и в ходе эволюционного развития. Тувинская культурология еще стоит перед весьма важной задачей: до сих пор нет периодизации тувинской культуры, которая бы учитывала и древние периоды истории, и соединяла традиционную историю с современными изменениями в культуре. Пока в наличии лишь, с одной стороны, разрозненные периодизации археологов, этнографов, историков древности (при реконструкции древних периодов истории и соответственно культуры) и, с другой — работы культурологов, посвященные проблематике изменений в традиционной культуре тувинцев в течение XX в. Трудов, представлявших соединение этих двух типов работ, пока нет.

Углубление в анализ современной тувинской культуры, как и любой другой, неизбежно ставит вопрос об исторических особенностях ее развития, включающих и архаику, и последующие периоды предьистории. Не учитывать это — все равно что начать анализ европейской культуры с Нового времени, полагая, что весь сложный предыдущий ход европейской истории можно рассматривать как единый, подводящий к особенностям складывающегося современного западного тезауруса. При таком подходе в «традиционный период» западноевропейской культуры спрессуется и нивелируется весь ход истории, расцветы и падения культуры, не будет определен вклад и значение каждого периода — древнегреческого, древнеримского, Средневековья, Возрождения...

Поэтому, признавая особую актуальность для тувиноведения и социальной практики анализа тувинской истории и культуры в XX в., в том числе при помощи модернизационной теории, мы считаем важным обратить внимание на ранние этапы тувинского культуругенеза, на проблему преемственности тувинской культуры с культурами предшественников.

Если в самых общих характеристиках сделать предварительный набросок тувинского культуругенеза, то в первую очередь мы можем говорить об эпохе формирования и раз-

вития прототувинской культуры (хронологический отрезок: первые века н. э. — примерно XVII в.) и только затем — об этапе появления и развития собственно тувинской культуры (примерно с XVII в. до сегодняшних дней). С точки зрения тезаурусного подхода (обращающего внимание прежде всего на стабильные и переходные периоды), на обоих этапах можно выявить периоды стабильного функционирования культур и переходные периоды. Стабильное существование прототувинской культуры соответствовало периодам относительного спокойствия в Великой степи: существования этнических племенных групп или в краткие периоды политического вакуума — или во времена укрепления древних этнокультурных государственных образований, которые давали возможность обрести культурам доминирующего и ряда подчиненных (не всех) этносов целостный характер со своими своеобразными чертами, в чем-то отличными от предшественников, но при этом сохраняющими линию преемственности, основанной на кочевом образе жизни. Переходные же периоды соответствовали временам распадов государственных образований, войн кочевых племен между собой, смут, когда в процессе смены одной этнической доминанты на другую на политической арене в регионе происходил процесс смены условий для функционирования соответствующих культурных традиций.

Каждый тип культуры (стабильный или переходный), как пишут Вал. А. и Вл. А. Луковы, порождается социальной деятельностью людей, их взаимодействием на всех уровнях социальности и, в свою очередь, порождает свой специфический образ человека в сознании людей, выступающий как нормативный образец (Луков Вал., Луков Вл., 2008: 237).

Тезаурус, по мнению авторов, содержит в себе совокупность этих образов, образцов, концептов и имеет определенную структуру. Она выстраивается по линии «свой — чужой» и содержит круг фундаментальных проблем, которые человек решает на протяжении всей своей жизни. Структура пирамиды содержит ступени (снизу — вверх): 1-я ступень — проблемы выживания; 2-я ступень — проблемы распространения, рождения детей, семьи, сек-

са; 3-я ступень — проблемы власти, иерархической организации общества; 4-я ступень — проблемы коммуникации на уровне чувств (любовь, дружба, ненависть, зависть и т. д.); 5-я ступень — проблемы коммуникации на уровне диалога, высказывания, письма и т. д.; 6-я ступень — проблемы теоретического осмысления действительности; 7-я ступень — проблемы веры, интуиции, идеала, сверхознания (там же: 148).

Здесь перечислены, конечно же, самые общие проблемы. С точки зрения человека культуры, его личный тезаурус будет представлять собой целостность, которая находится в динамическом развитии, особенно в периоды взросления, формирования личности. Какие-то концепты будут для человека важными и близкими в одном возрасте, какие-то — в другом; одни — будут актуальны в одном социальном статусе, другие — в другом. Изменение социальных условий может поменять расстановку концептов в круге «свои», выводя что-то за его круг (к «чужим»), или наоборот. Но будут и определенные концепты, которые останутся ядром тезауруса в любом возрасте. Авторы тезаурусной концепции, учитывая это обстоятельство, пишут о передвижении информации в тезаурусе с момента его первоначального освоения. Этот процесс зависит от множества разнонаправленных сил и факторов воздействия (там же: 150).

Однако в целом схема, которой придерживаются авторы в представлении тезауруса каждой конкретной культурной эпохи, заключается в анализе общепринятых в культуре концептов, причем в следующем порядке: в движении от образов самого себя и другого человека, к представлениям о ближайшем социальном окружении, характере взаимоотношений с ним, вещной и символической средой, до образов более масштабных, но при этом более отдаленных социокультурных сущностей, феноменов, сил (поселение, страна, народ, человечество, нравственные императивы, наконец, культурная картина мира) (там же: 237). Структурно в исследовании это представляет собой список параграфов со специальными заголовками, например, стабильный период западноевропейской куль-

туры XVIII в. рассматривается сквозь призму представлений: «Образ человека», «Джентльмен и „порядочный человек“», «Естественный человек», «Естественное воспитание», «Одиночество», «Дружба», «Любовь», «Мир вещей», «Цивилизационные процессы», «Просвещение», «Искусство», «Картина мира» (там же: 261–292).

Ю. С. Степанов же свой словарь констант русской культуры составил из выбранных им устойчивых, постоянных, базовых концептов, число которых невелико: «Вечность», «Закон», «Беззаконие», «Страх», «Любовь», «Вера» и пр. (Степанов, 2004: 6). Исследователь подчеркивает, что отбор концептов-констант был сделан им не произвольно, не субъективно, а на авторском толковании того, что было им найдено в текстах культуры (там же: 8).

На наш взгляд, методический ход тезаурусного подхода, отбора концептов можно уточнить, учитывая и вопрос динамики субъективных тезаурусов людей, общностей культуры, о чем также пишут Вал. А. и Вл. А. Луковы, останавливаясь особо на тематиках тезаурусного строя социальных общностей и тезаурусной концепции социализации (там же: 532–555).

Процесс постижения культуры, ее тезауруса можно уподобить процессу формирования личного тезауруса человека данной культуры, тесно взаимосвязанному с процессом формирования, социализации личности. То есть речь идет о пути, который проделывает ребенок, растущий и постигающий окружающий его мир, становящийся человеком определенной культуры. В этом случае вхождение в тезаурус можно начать в соответствии с этапами роста, взросления человека, причем выделяемыми в ходе его жизни традициями данной культуры, правилами этнопедагогики. Например, тувинцы, как определил один из авторитетных этнопедагогов К. Б. Салчак, насчитывали семь жизненных циклов: внутриутробный, колыбельный, младенческий, детский, отроческий, юношеский, зрелый (Салчак, 1974). Согласно данной периодизации сложение и развитие мыслительной деятельности, как пишет автор, приходится на третий цикл — младенческий.

Разумеется, личный тезаурус, особенно в старших возрастных группах, не будет претерпевать значительных изменений, поэтому более пристальное внимание следует уделить градации в детском возрасте и путь обогащения и формирования тезауруса выстроить по следующим этапам: детство в целом, молодость, зрелость.

Не берясь за каталогизацию концептов тувинской культуры, которую еще предстоит сделать, в данной статье мы лишь ставим вопрос о том, в каком направлении можно двигаться в исследовании. Для учета исторических изменений в тезаурусе культуры материал возможно выстраивать следующим образом: *Возраст* (детство, молодость, зрелость): *концепт «А»* (а) в прототувинских традициях, б) в традиционной тувинской культуре, в) в советское время, г) в постсоветское время). Тем самым мы одновременно рассмотрим в исследуемой тувинской культуре возрастные тезаурусы (детский, молодежный и взрослый), совместив их с проблематикой исторических изменений в тезаурусе культуры. Ход реконструкции тезауруса для каждого возраста целесообразно выстраивать, опираясь и на наработки возрастной психологии в целом, и в частности — для конкретной тувинской культуры — к работам по этнопсихологии и этнопедагогике. Материалами для исторического анализа выступают данные археологии, этнографии, филологии (фольклористики).

Общее направление для отбора концептов во всех возрастных тезаурусах, как уже было сказано, — представления, которые выстраиваются соответственно иерархии «свое — чужое», а также «чуждое».

Кроме того, что таким образом мы получаем возможность открыть культуру с новой стороны, чрезвычайный исследовательский интерес, на наш взгляд, представляет сравнительный анализ изменений в самой культуре, с самых ее древних пластов до современности. Тем самым мы открываем новые перспективы для развития тувиноведения в целом, тувинской культурологии в частности, развивая и совершенствуя при помощи работы с конкретным эмпирическим материалом собственно тезаурусный подход в гуманитарном знании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гуревич, А. Я. (1972) Категории средневековой культуры. М. : Искусство.

Евразийский мир: ценности, константы, самоорганизация (2010) / под ред. Ю. В. Попкова. Новосибирск : ООО «Нонпарель».

Жуковская, Н. А. (2002) Кочевники Монголии: Культура. Традиции. Символика : учеб. пособие. М. : Восточная литература.

Захаров, Н. В. (2008) Шекспиризм русской классической литературы: тезаурусный анализ. М. : Изд-во Моск. гуманитар. ун-та.

Кляшторный, С. Г. (2005) Памятники письменности тюркских племен Центральной Азии и Сибири в раннем Средневековье // Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней Евразии. СПб. : Филол. фак-т СПбГУ. С. 158–165.

Константы культуры России и Монголии: очерки истории и теории (2010) / под общ. ред. М. Ю. Шишина, Е. В. Макаровой. Барнаул : ОАО «Алтайский дом печати».

Кужугет, А. К. (2006) Духовная культура тувинцев: Структура и трансформация. Кемерово : КемГУКИ.

Кузнецова, Т. Ф. (2005) Картина мира как проблема в курсе культурологии // Знание. Понимание. Умение. № 4. С. 28–32.

Ламажаа, Ч. К. (2010) Тувиноведение: область знания и социальная миссия [Электр. ресурс] // Новые исследования Тувы. № 4. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_8/2542-lamazhaa.html (дата обращения: 12.01.2011).

Луков, Вал. А., Луков, Вал. А. (2008) Тезаурус: Субъектная организация гуманитарного знания. М. : Изд-во Национального ин-та бизнеса.

Луков, Вал. А. (2011) История культуры Европы XVIII–XIX веков : учеб. пособие. М. : ГИТР.

Лурье, С. В. (2003) Психологическая антропология: история, современное состояние, перспективы. М. : Академический проект ; Деловая книга.

Маннай-оол, М. Х. (2004). Тувинцы: происхождение и формирование тувинского этноса. Новосибирск : Наука.

Марков, Г. Е. (2010) Кочевники Азии: Структура хозяйства и общественной организации. 2-е изд., испр. М. : Красанд.

Салчак, К. Б. (1974) Преемственность тувинских народных традиций воспитания и современной педагогической культуры Тувы : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Казань.

Степанов, Ю. С. (1997) Константы: Словарь русской культуры. М. : Языки русской культуры.

Степанов, Ю. С. (2004) Константы: Словарь русской культуры. 3-е изд., испр. и доп. М. : Академический проект.

Тезаурусный анализ мировой культуры (2005–2011): сб. науч. трудов. Вып. 1–21 / отв. ред. Вал. А. Луков. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та.

THE THESAURUS APPROACH FOR TUVAN STUDIES

Ch. K. Lamazhaa

(Moscow University for the Humanities)

The article presents the thesaurus approach and the prospects of its application to the analysis of Tuvan culture. The author outlines the features of the approach and a way for the compilation of the thesaurus of Tuvan culture.

Keywords: Tuvan culture, proto-Tuvan culture, culture genesis, nomadic culture, the thesaurus approach, methodology.

BIBLIOGRAPHY (TRANSLITERATION)

Gurevich, A. Ia. (1972) Kategorii srednevekovoi kul'tury. M. : Iskusstvo.

Evraziiskii mir: tsennosti, konstanty, samoorganizatsiia (2010) / pod red. Iu. V. Popkova. Novosibirsk : OOO «Nonparel».

Zhukovskaia, N. L. (2002) Kochevniki Mongolii: Kul'tura. Traditsii. Simvolika : ucheb. posobie. M. : Vostochnaia literatura.

Zakharov, N. V. (2008) Shekspirizm russkoi klassicheskoi literatury: tezaurnusnyi analiz. M. : Izd-vo Mosk. gumanit. un-ta.

Kliashturnyi, S. G. (2005) Pamiatniki pis'mennosti tiurkskikh plemen Tsentral'noi Azii i Sibiri v rannem Srednevekov'e // Kliashturnyi S. G., Savinov D. G. Stepnye imperii drevnei Evrazii. SPb. : Filol. fak-t SPbGU. S. 158–165.

Konstanty kul'tury Rossii i Mongolii: ocherki istorii i teorii (2010) / pod obshch. red. M. Iu. Shi-

shina, E. V. Makarovo. Barnaul : OAO «Altaiiskii dom pečhati».

Kuzhuget, A. K. (2006) Dukhovnaia kul'tura tuvintsev: Struktura i tranformatsiia. Kemerovo : KemGUKI.

Kuznetsova, T. F. (2005) Kartina mira kak problema v kurse kul'turologii // Znanie. Ponimanie. Umenie. № 4. S. 28–32.

Lamazhaa, Ch. K. (2010) Tuvinovedenie: oblast' znaniia i sotsial'naia missiia [Elektr. resurs] // Novye issledovaniia Tuvy. № 4. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_8/2542-lamazhaa.html (data obrashcheniia: 12.01.2011).

Lukov, Val. A., Lukov, Vl. A. (2008) Tezaurnusy: Sub'ektnaia organizatsiia gumanitarnogo znaniia. M. : Izd-vo Natsional'nogo in-ta biznesa.

Lukov, Vl. A. (2011) Istorii kul'tury Evropy XVIII–XIX vekov : ucheb. posobie. M. : GITR.

Lur'e, S. V. (2003) Psikhologicheskaia antropologii: istoriia, sovremennoe sostoianie, perspektivy. M. : Akademicheskii proekt ; Delovaia kniga.

Mannai-ool, M. Kh. (2004). Tuvintsy: proiskhozhdenie i formirovanie tuvinskogo etnosa. Novosibirsk : Nauka.

Markov, G. E. (2010) Kochevniki Azii: Struktura khoziaistva i obshchestvennoi organizatsii. 2-e izd., ispr. M. : Krasand.

Salchak, K. B. (1974) Preemstvennost' tuvinskikh narodnykh traditsii vospitaniia i sovremennoi pedagogicheskoi kul'tury Tuvy : Avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. Kazan'.

Stepanov, Iu. S. (1997) Konstanty: Slovar' russkoi kul'tury. M. : Iazyki russkoi kul'tury.

Stepanov, Iu. S. (2004) Konstanty: Slovar' russkoi kul'tury. 3-e izd., ispr. i dop. M. : Akademicheskii proekt.

Tezaurnusnyi analiz mirovoi kul'tury (2005–2011) : sb. nauch. trudov. Vyp. 1–21 / отв. ред. Вал. А. Луков. М. : Изд-во Моск. гуманит. un-ta.

Новые книги

Луков, Вал. А. Новые идеи в социологии управления : монография [Текст] / Вал. А. Луков, М. Г. Солнышкина. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2011. — 192 с.

Луков, Вал. А. Теории молодежи : Междисциплинарный анализ : науч. монография [Текст] / Вал. А. Луков. — М. : Канон + РООИ «Реабилитация», 2012. — 528 с.